

К. Н.
ЛЕОНТЬЕВ

Сочинения

Константин Николаевич Леонтьев

Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения ЖИЗНИ

«...мне случилось прочесть в «Московских ведомостях» маленькую заметку об открытии где-то в России новой железной дороги и об освящении вокзала епархиальным архиереем. Где, в какой губернии – не помню. Преосвященный говорил по этому поводу небольшую речь; содержание ее было передано газетой, в нескольких строках без всяких замечаний и оговорок. Но эти несколько строк были таковы, что я бросил газету и мысленно воскликнул... «Боже мой! и архиерей... и архиерей русский глаголет то же и все то же!»...

**Константин Леонтьев
Епископ Никанор о вреде
железных дорог, пара и
вообще об опасностях
слишком быстрого движения
жизни**

Воспоминания мои о Лессепсе и других европейских «индустриалах» относятся к 73-му году.⁽¹⁾

Я жил тогда в Константинополе. Незадолго до этих знакомств или встреч, важных для меня не по значению самих этих людей, а по роду мыслей, которые они в уме моем тогда пробуждали, мне случилось прочесть в «Московских ведомостях» маленькую заметку об открытии где-то в России новой железной дороги и об освящении вокзала епархиальным архиереем. Где, в какой губернии – не помню. Преосвященный говорил по этому поводу небольшую речь; содержание ее было передано газетой, в нескольких строках без всяких замечаний и оговорок. Но эти несколько строк были таковы, что я бросил газету и мысленно воскликнул... «Боже мой! и архиерей... и архиерей русский глаголет то же и все то же!»

– Ускорение сообщений, цивилизация... даже и благоденствие...

Да, я помню, было даже и благоденствие!..

– Господи! – подумал я тогда, – на что же все это епископу?.. Именно – епископу на

что! Его долг по всякому подобному поводу, напротив того, или напомнить нам притчу о том богатом, который сказал душе своей: «Пей, ешь и веселись» – и в ту же ночь умер⁽²⁾; или посоветовать молиться усерднее, садясь в вагон, на случай внезапной гибели; или сказать вообще, чтобы мы не носились с человеческим «разумом», как наивные дурни с писанной торбой, что уметь видеть мрачную сторону всех этих высокоумий научных есть тоже *разум*, и даже самого высшего порядка.

Размышляя так, я даже старался вообразить, какого рода проповедь или поучение сказал бы я сам в этом случае на месте епископа, рискуя даже возбудить против себя то светское начальство, которое пригласило меня освятить вокзал.

После всех этих печальных размышлений прошло *двенадцать лет*. Во многом я оказался пророком и седины мои теперь многим утешены! Но ничто, кажется, из всех событий, перемен и *знаменательных зачатий* за последние четыре года не восхитило меня так глубоко, как то, что преосвященный Никанор Херсонский осуществил прошлого года мою

давнюю и словно как бы несбыточную мечту о русском иерархе, громящем пар и всю эту оргию «обмена» на каком-нибудь вокзале, то есть в *самой берлоге* беспощадного чудовища.

Епископ Никанор, которого я и прежде уже глубоко чтил за его книгу «Позитивизм и Христианство»^[3], превзошел даже мои ожидания в своем поучении.

Я мечтал лишь о сухости, о холодности отношения иерарха к триумфам механики – и встретил неожиданно карающие громы! Для *понимающего*, для человека хоть сколько-нибудь дальновидного это поучение страшно... в своей ученой и ораторской силе.

Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма и современного вавилонского *всесмешения*.

Это *Мани-Фекель-Фарес* вселикующему и безбожно-надменному рационализму *средне-го всеевропейца*.

Не зная, имею ли я право перепечатать в своей книге всю эту замечательную речь сполна из «Православного обозрения»[1], воспользуюсь только тем сокращением ее, которое появилось в одной очень умной, хотя и

самой маленькой по размеру из московских газет, в «Вестнике», Фед. Алекс Гилярова (1884 г. 1 декабря, № 71):

«Явный вред и ясно предвидимая опасность быстрых путей сообщения заключаются в том, что мы скоро живем и торопимся жить. Быстрые современные сообщения развивают до неимоверности ту быстроту, с какою мы несемся неведомо куда, опасно, как бы не в бездну. Излишняя быстрота всегда и везде опасна.

Вообразим, что наша земля, кружась по своему эллиптическому пути около солнца, делает 26 верст в секунду, более 1500 верст в минуту, около 100 000 верст в час, а в год развивает страшную быстроту многих миллионов верст своего бега вокруг солнца. Но и солнце не стоит. По новейшим вычислениям оказывается, что скорость поступательного движения всей солнечной системы равняется 232 500 900 верст в год, что составляет в сутки для солнечной системы 637 000 верст, которую для земли нужно умножить еще на скорость ее движения вокруг солнца, а для каждой местности на

земле, напр., для этого пункта, на котором мы стоим, нужно умножить еще на скорость вращения нашей широты вокруг земной оси. Таким образом, земля вращается на своей оси и носится в пространстве вокруг солнца; солнце само вращается около своей оси и совершает поступательное движение другого центрального солнца. Но и на этом остановиться нельзя. Без сомнения, и солнце нашего солнца подчиняется общему закону движения. Тут же в вычислении скорости вселенной изнемогает и воображение. Пусть эта скорость вращения земли вокруг своей оси, вокруг солнца уже для нашего солнца нами не замечается и не чувствуется. Но можно ли сказать, что и эта внесознательная для нас быстрота движения вселенной не влияет на нашу жизнь? Конечно, влияет показывает влияние огромное на распределение земных сил, обнаруживающих прямое влияние на благосостояние человека, на равновесие суши и вод и воздуха, на известное распределение воздуха и тепла, электричества и тяготения. А к этой всемирной тел-

лурическо-астрической скорости движения человек присоединяет еще свою самодельную одуряющую скорость движения по железным путям, на крыльях ветра, на парах и электричестве, по морю и под водою, и под землею, на аэростатах, посредством нагретого воздуха, водорода и чего-то там еще, скоро, быть может, понесется и посредством солнечного света. А что электричество будет запряжено, как мощный двигатель-скачок, это не подлежит сомнению. Это вопрос не только близкого будущего, но уже и настоящего времени. Не все же молниям праздно бороздить небо, а на земле только жечь и крошить. Скоро, скоро обуздают их и погонят и возить, и мельницы вертеть, и всякие тяжести двигать.

Пусть это фантазия. Но вот что действительно. Всякая скорость развивает в мировой системе мену силы, а на земной поверхности, а в человеке (в сем последнем даже скорость мысли) развивает и трату силы, так что чем больше быстрота действия, тем больше требует она и траты силы. В ми-

ровой системе эта трата силы незаметна. Да ее там и нет, так как полнота мировых сил, по нашим, быть может, и ошибочным расчетам, сама себе равна. Но на поверхности земной всякая скорость издерживает уходящую на нее силу. Тем более это заметно в человеке. Увеличивая какую бы то ни было скорость, опять-таки хотя бы быстроту мысли, человек издерживает уходящую на нее силу. Тут в трате силы на всякую скорость, на скорость даже мысли, один вред, одна опасность. А вот и другая.

Всякая быстрота умножает опасность развития разрушающей силы в случае помехи движению, а тем более остановки. Если бы земля в своем полете на своей оси и на пути вокруг солнца была остановлена непреодолимой преградой, то она развила бы какие-то премногие миллионы единиц тепла, которые, при столкновении земли с равновесным или тяжелейшим телом, мгновенно превратили бы ее в горючий газ, превратили бы всю всецело, со всеми ее водами и камнями и внутренними толщами. А если бы

солнечная наша система столкнулась с другою таковою же при своем невообразимо быстром полете, то обе они превратились бы мгновенно в ту тончайшую небесного эфира материю, из которой ткуются нововозникающие звездные системы, мелькающие легким туманом глубже наших туманных звездных планет. Так и на земной поверхности всякая развиваемая быстрота пропорционально своему увеличению развивает и опасность разрушительного удара в случае затруднения скорости, а тем более в случае остановки движения.

Приложим теперь эти психофизические законы к скорости человеческой жизнедеятельности, развиваемой увеличенной скоростью движения посредством пара и электричества. Производит ли современная быстрота передвижения трату силы? Без сомнения, и громадную. Во-первых, производит трату силы материальной, уходящей на производство этой скорости. Возьмем вот пар. На производство его уходит громадное количество воды, железа и топлива. Пусть воды на Руси и

не занимать сталь, но на ее добывание уходят в огромном количестве тоже железо и топливо. Пусть и железной руды на Руси не занимать сталь, но на производство и железа уходит, кроме всего прочего, огромное же количество того же топлива!

Итак, топливо да топливо А что такое топливо? Это запас органического материала, собранный веками веков бытия земного шара, еще прежде бытия исторического человека. Древнее человечество тратило этот запас не бережно же, как тратим и мы, но умеренно. Лесные чащи выросли тогда, превышая потребность в них жившего до нас человечества. Современный же человек истощает этот запас так, что природа явно уже оказывается восстановить его. Давно ли заведены паровые источники силы и движения, но в Англии не только леса уже истощены, но и запас давних веков – залежи каменного угля истощаются, и через 100 лет, а, быть может, и прежде истощатся совсем. Что мы видим на Руси? Еще живое поколение видело неисходные, почти неизмеримые чащи ле-

сов, а теперь что? На пространстве от Оренбурга до Одессы наблюдательный путник не видит ни одного даже молодого перелеска. Путник этот еще видел целые пущи тысячелетних деревьев-громадин, годных на корабли и прочее. Все пожрано, особенно же около железных дорог.

Пожирая леса, дороги производят недостаток топлива для домов. Этот недостаток на огромном пространстве Руси вознаграждается потреблением соломы и других органических остатков. В то же время запасенные веками залежи тучного чернозема на полях, которые до нашего времени никогда не были паханы от начала мира, также быстро истощаются, крепко напоминая об искусственном утучнении полей, а истребление утучняющих веществ повсюду на топливо производит недостаток их для удобрения полей. Вся же эта логика истребления того, чем жив человек, живо его тело, будет иметь в весьма недалеком будущем, да по местам имеет уже и в настоящем, своим роковым последствием нужду в хлебе, в тепле и строи-

тельном материале, а быстрота современного движения будет поглощать последние остатки запаса органических веществ на земле. Что же впереди?

Еще. Громадное, повсюду на наших глазах оканчивающееся решительным уничтожением истощение лесов производит на Руси истощение водных источников, речек и рек, которое, в свою очередь, сопровождается часто повторяющимися засухами земли. Истреблением лесов мы истребляем богоданное жилище для зверей, диких и кротких, для птиц, для насекомых. Что же отсюда? Мы знаем, что на земле исчезли многие роды животных. Некоторые исчезли на памяти живого поколения. Скоро в Европе останутся только воспоминанием естественной истории медведь, волк, лисица, лось, зубр, буйвол и многое множество живых родов. Воспоминанием останутся многие роды птиц, гадов, насекомых. Насильственно выселенные из лесов многие роды, особенно насекомых, ринулись теперь в наши нивы, увеличивая с каждым десятилетием опасность

голода для человечества. Истребление лесов, обезводнение, жадность увеличения пахоты производят повальную, так называемую экспекорацию⁽⁴⁾, истребление в образованном мире скота, который гибнет от сокращения и истощения пастбищ, гибнет от постоянных повальных болезней, происходящих от тех же причин, от недостатка влаги в воздухе, от увеличения около человеческих жилищ массы видимых и невидимых насекомых, от истощения в воздухе оздоравливающего кислорода и озона, производимых дыханием живых растений и обилием испаряющейся чистой влаги. Кроме того, скот истребляется жадностью культивированного человека к животной пище, невоспособляемой добычей охоты, почти уничтоженной за уничтожением лесов и за истощением рыбных ловлей тою же жадностью и беспощадностью увеличивающегося в количестве человечества, как и более искусным применением снарядов для вылавливания рыбы, так что почти все наши реки, на памяти живого поколения, совершенно отощали рыбою; в за-

падноевропейских же реках рыба осталась только преданием и темным воспоминанием. Мы намекнули, но не развили мысли, что и для человека истощение лесных чащ губительно и тем, что эти массы самой цветущей зелени производили массу живительного кислорода и озона, которые так необходимы нам для здорового дыхания, которые, оживляя и укрепляя силы человека, наоборот, губительно действуют на незримые массы вибрионов^[5], подрывающих в самом зерне человеческую жизнь и порождающих поварьные болезни. Посмотрите теперь на наши города с их дымом, копотью, смрадом – чем там дышать? Разве только губительными миазмами? Даже по селам теперь, при истощении водных источников и живительной растительности, когда к ним приближаешься, сейчас же чувствуешь, что с лона живой и животворящей и благоуханной природы вступаешь в жилище человека с его отбросами и смрадом, источником гибели для него самого и всего живого около него, за исключением губительных вибрионов, источника

зараз для людей и скотов.

Таким образом, истощение благотворных для человека сил вещественных увеличением быстроты передвижений очевидно.

Тратит ли эта быстрота жизни и движения силу нравственную, силу духовную? Скажите увеличила ли эта быстрота сообщения внешнее благосостояние людей? По-видимому, напр., железные дороги строятся для увеличения благосостояния. Я скажу, как и сказал, что они строятся для удовлетворения потребностей. И удовлетворяют им – это правда. Но удовлетворяют, пропорционально же увеличивая самые потребности, увеличивая тем, что усложняют жизнь более и более, так что жизнь становится дороже, затруднительнее и требовательнее. Этому доказательство в том печальном повсюдном опыте, что везде на Руси, где пока не было железных дорог, там жизнь была проще и дешевле. А как только появится железная дорога, сейчас же все ценности возвышаются, прежние способы истощаются, новые если и увеличиваются, то создают со-

бой и новую потребность, напр., потребность виноградных вин, которой еще деды, да даже и отцы наши, не ведали, равно как новые потребности и в других заморских вещах, без которых легко обходились. Таким образом, железная дорога, в существе дела, нигде и не возвысила благосостояния, чувства довольства, покоя и счастья, напротив, породила всюду тревогу, потребность в средствах жизни, погоню за наживою.

Кроме того, где прошла по широте русской земли безлесная пустынная гладь, там прощай поэзия старины, поэзия наших отцов и дедов да еще и нашей собственной юности. Наши дети не поймут скоро поэтического выражения «не шуми ты, темный лес, зеленая дубровушка», равно не поймут и всего неисчерпаемого запаса как мифологической, так и позднейшей поэзии, основанной на таинственной, то возвышающей, то грозной, то прелестной внушительности повсюдных, еще недавно непроходимых, лесных чащ. А это будет огромным истощением душевных сокровищ нашего поэтическо-

го народа. Куда девалась эта тысяче-голосая восхитительная песнь хвалы Богу, песнь птичьих и всяких животных голосов, какую гремели еще так недавно неисходные зеленые цветущие чащи в прелестные майские утра? В могильное, глухое безмолвие погружается теперь оголяемая тупою корыстью пустынная русская земля. Эта корысть скоро убьет самый вкус к прелестям природы, как убивает самую красоту природы. Опасно, как бы земля не стала скоро походити на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавают только отощальный всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли. Эти железнодорожные линии не похожи ль на нити всемирной паутины?..»

Таково это удивительно смелое для русско-го духовного лица поучение.

И здесь еще не все. В самой речи есть превосходные переходы к религиозным идеям и к великим примерам общеисторического

прошлого. Вот эта проповедь, эта речь – действительно «русское слово», действительно – поучение «современное» по предмету, православное по духу.

Это не то, что нервная и космополитическая обмолвка Достоевского о каком-то русском окончательном слове: «всеобщей гармонии»^{6}. *Окончательное слово?..* Что такое *окончательное* слово на земле?

Окончательное слово может быть одно: *Конец всему на земле!*

Прекращение истории и жизни... Иначе почему же и в каком смысле *окончательное*. Ведь *неподвижным* и *неизменным* не может же стать человечество ни умом, ни вкусами, ни волей?

Не в *окончательном примирении* дело, а в *самобытном развитии*.

Для того чтобы нация приобрела хотя бы и преходящее (как все на свете), но все-таки истинное и прочное *мировое* значение, ей надо *творить свое* и *для себя*. Только созданное *для себя* и *по-своему* может послужить и другим.

Слово *мировое* я противопоставляю в этом

случае слову – *космополитическое*. Только тогда, когда мы не будем обращаться к собственной жизни и к собственной истории нашей с готовыми, взятыми у других последними, вчерашними идеями; когда мы не будем *сознательно служить* космополитизму, а, напротив того, скорее уже идти *против* него, – только тогда-то, говорю я, мы будем в силах сделать и остальному человечеству *мировую* пользу; только тогда-то и будет признана русская нация всеми за нацию истинно-культурную, т. е. такую, какими были в свое время нации египетская, древ-неэллинская, римская, византийская и все главные народы романо-германского Запада, давшие в *свое время* миру не одни только орудия *всесмешительного разрушения*, как дают они теперь (т. е. машины, пар, телеграфы, эгалитарную свободу, демократические парламенты и т. д.), а многое множество великого, изящного и могучего в своем своеобразии.

Иначе, если задаваться сознательно идеями космополитическими, то можно в истории ближайшего будущего разыграть ту культурно-незавидную роль, которая выпала

некогда на долю Македонии: все завоевать, все покорить, все *смешать*, все разрушить и, ничего *действительно своего* не создавши на память векам грядущим, приготовить только для других (для Рима, Византии и т. д.) почву разрыхленную чем-то средним, чем-то полуотрицательным и вседопускающим!

Одним же из главных признаков благотворного в этом (ново-культурном) смысле поворота в русских умах должно быть прежде всего скептическое, даже до крайностей пессимизма, пожалуй, расположенное доходить отношение ко всем почти европейским выводам и продуктам отходящего XIX века, с *эгалитарным плутократизмом*⁽⁷⁾ его социального строя и с обманчивым *утилитарным идеализмом* его умственной жизни.

«Если дерево начало расти криво, то, чтобы выпрямить его, надо насильственно перегнуть его в противоположную сторону», – сказал про наше отечество покойный Н. Я. Данилевский в своей монументальной книге «Россия и Европа».

Нельзя *создавать свое*, не отрицая и не отвергая в то же время *чужих разрушительных*

начал и приемов.

Примечания

1

Октябрь 1884

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Французский инженер, или, как называл его К. Н. Леонтьев, европейский «индустриал», Фердинанд Лессепс руководил сооружением Суэцкого (1859–1869), а затем и Панамского (1879–1890) каналов. Статья К. Н. Леонтьева «Знакомство с Лессепсом» описывала события 1873 г. и была опубликована в петербургской газете «Гражданин» (1883. № 24). Она вошла в состав леонтьевского двухтомника «Восток, Россия и славянство» (М., 1886. Т. 2), где непосредственно предшествовала настоящей статье.

[^^^]

2

Лк 12:16–21.

[^^^]

3

Работа епископа Никанора Херсонского называется «Позитивная философия и сверхчувственное бытие».

[^^^]

4

Экспекорация (экзуберанция) – расцвет, цветение; здесь как истощение, истребление.

[^^^]

5

Эмбрионы.

[^^^]

6

См.: критику К. Н. Леонтьевым идеи «всеобщей гармонии» Ф. М. Достоевского в статье «О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» настоящего издания.

[^^^]

Плутократизм – господство богачей.

[^^^]

[^^^]